

УДК 902

РИТУАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ НА КУРГАННЫХ МОГИЛЬНИКАХ ИРМЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ*О. И. Новикова, А. А. Дудко***RITUAL COMPLEXES ON THE BURIAL MOUNDS OF THE IRMEN CULTURE***O. I. Novikova, A. A. Dudko**Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-28-00045).*

В статье рассматриваются критерии классификации и возможные варианты интерпретации сопроводительных ритуальных комплексов на курганных могильниках ирменской культуры. Предложены несколько вариантов классификации ритуальных комплексов: по местонахождению, по содержанию (составу), по ритуальному действию. Местонахождение остатков ритуального комплекса дает информацию о времени проведения ритуала. Состав комплексов позволяет разграничить следы жертвоприношений и поминальных тризн. Следы различных действий (закапывание, сжигание, порча вещей) подтверждают ритуальный характер комплексов. На материалах 16 курганных могильников выделены различные типы ритуальных комплексов: во рвах, в жертвенных ямах, в насыпях курганов. Данные комплексы связаны с разными структурными элементами погребально-поминальной обрядности: с подготовкой погребального пространства, с жертвоприношениями в ходе погребальной церемонии и с поминальными тризнами после ее завершения.

The paper is devoted to the classification criteria and the possible explanations of accompanying ritual complexes from the barrow burial grounds of the Irmen culture. A few variants of classification are supposed: based on either the location, or the content (structure), or the ritual action. The location of the ritual complex remains provides an indication when the ceremony took place. The complex composition gives the opportunity to differentiate the oblation and funeral feast remains. The traces of various actions (embedment, combustion, damage to the things) evidence the ritual character of the complex. The materials of 16 barrow burial grounds permitted to define the different types of ritual complexes: in the ditches, in the sacrificial pits, in the earth fills of the barrows. These complexes are associated with various structural elements of the funeral and memorial ritualism: burial space organization, oblations in the course of the mortuary affairs and the memorial feasts upon their completion.

Ключевые слова: эпоха бронзы, ирменская культура, ритуальные комплексы, погребальный обряд.

Keywords: Bronze Age, Irmen culture, ritual complexes, funeral rite.

Ирменская культура эпохи поздней бронзы изучена и охарактеризована довольно детально и полно, в том числе благодаря многолетним исследованиям В. В. Боброва [1 – 7]. Рассматривая особенности погребального обряда ирменской культуры как в рамках локальных вариантов или отдельных могильников, так и на общекультурном уровне, исследователи неоднократно обращали внимание на многочисленные следы сопроводительных ритуальных действий, фиксируемые в насыпях курганов в виде различных археологических комплексов (объектов) или находок. В качестве таких «опредмеченных» свидетельств сопроводительных ритуалов рассматриваются кости животных, фрагменты керамики (или целые сосуды), предметы, прокалы, рвы, ямы, кладки и т. д. В зависимости от характера и расположения этих комплексов (объектов), они трактуются по-разному: как следы поминальных тризн (кости животных и керамика в насыпи курганов), как способ организации сакрализованного пространства (рвы, ямы, канавки, кладки, столбы, стелы), как следы жертвоприношений (погребения животных, их черепов или частей туш), как следы огненных ритуалов (прокалы). Наиболее полно исследователями рассмотрены и интерпретированы ритуально-жертвенные комплексы с черепами животных, в том числе охарактеризована роль лошади в ритуальной практике ирменцев, способы организации сакрализованного пространства, использование огня в погребальной практике ирменской культуры.

В данной работе предпринята попытка суммировать накопленный методический опыт изучения и интерпретации ритуальных комплексов, выявленных на курганных могильниках ирменской культуры. Необходимо пояснить, что речь идет о материальных остатках сопроводительных ритуалов, которые совершались либо в процессе подготовки к погребению, либо после акта захоронения. Таким образом, мы не рассматриваем ритуальные комплексы, зафиксированные непосредственно в самих погребениях.

В своих построениях мы опираемся на методические и теоретические разработки В. С. Ольховского, касающиеся содержания и структуры погребально-поминальной обрядности как сложной системы, базирующейся на определенных идеологических представлениях и религиозных нормах [21 – 23]. На наш взгляд, корректная интерпретация того или иного ритуального объекта (комплекса) зависит от того, с какой структурной частью обряда и с каким структурным элементом погребального памятника он будет соотнесен. Поэтому первоначальная классификация следов ритуальных действий целесообразна по их местонахождению: на древней дневной поверхности, в насыпи кургана (с учетом пространственной локализации), в ямах или во рву. Местонахождение ритуального объекта может свидетельствовать о времени проведения ритуала. Так, к начальной стадии погребального обряда – процессу подготовки или оформления погребального пространства могут быть отнесены находки на уровне погребенной дневной поверхности

и в нижней части заполнения рвов и ям. Находки в насыпи кургана связаны с пролонгированным во времени процессом формирования насыпи и поминальным циклом. Наконец, находки, обнаруженные непосредственно под дерном (практически на поверхности насыпи) могут быть отнесены к завершающей стадии погребально-поминального цикла, конечно, если они зафиксированы *in situ*.

Следующий вариант классификации ритуальных комплексов – по их содержанию (составу). Этот состав может быть как гомогенным (только кости животных, только керамика, только вещи, только проквал), так и смешанным (сочетание разных составляющих). Именно по составу комплекса можно сделать предположение в пользу ритуала жертвоприношения (животного, пищи, вещей), в пользу остатков поминальной тризны (кости «мясных» частей животных с характерными следами кухонных сломов), в пользу огненных ритуалов.

Для подтверждения ритуального характера объекта важна также его дополнительная характеристика по ритуальному действию (приему): помещение куда-либо, выставление, закапывание, сжигание, порча (ломка).

Итогом этих последовательных классификаций ритуальных объектов (источниковедческих процедур) должны стать построение вероятной последовательности ритуальных действий в структуре погребально-поминального обряда и их смысловая характеристика (интерпретационная модель).

Напомним основные наблюдения и выводы, сформулированные исследователями о ритуальных комплексах ирменской культуры ранее. Характеризуя ирменские могильники Барабинской лесостепи В. И. Молодин отметил следующие характерные особенности:

- наличие в почти 60 % насыпей ирменских курганов фрагментов сосудов, в ряде случаев – целых горшков;
- наличие в насыпях костей животных (около 50 % курганов);
- наличие в 55 % насыпей следов кострищ. Костры разводились на уровне погребенной почвы либо выше в периферийной части насыпи.

– в ряде курганов обнаружены ровики, различные по конфигурации и глубине. В ровики помещались сосуды и части туш животных, включая голову лошади, быка [17, с. 133]. Обратив внимание на то, что те или иные ритуальные объекты присутствуют в значительной части изученных ирменских курганов, В. И. Молодин интерпретировал их как остатки поминальных тризн.

В. В. Бобровым, Т. А. Чикишевой и Ю. И. Михайловым на материалах могильника Журавлево-4 были рассмотрены способы организации сакрального пространства (рвы, каменные оградки, ямы), зафиксированы свидетельства различных обрядовых действий «связанных с огнем, с нарушением целостности черепа погребенного, поминальными тризнами и жертвенными приношениями» [7, с. 85]

Проанализировав находки лошадиных черепов в ирменских курганах, В. В. Бобров и В. С. Горяев пришли к выводу о том, что они не связаны с поминальными тризнами. Черепами лошадей маркировались погребения мужчин, имеющих высокий соци-

альный статус. Череп (голова) лошади отождествлялись с целым животным, поэтому авторы высказали гипотезу о зарождении в ирменской среде традиции «погребения с конем» [4].

С. А. Ковалевский отметил, что помимо черепов лошади на ирменских могильниках и поселениях встречаются ритуально-жертвенные комплексы с черепами других животных (крупный и мелкий рогатый скот, лось, косуля, собака, заяц, свинья, медведь) и предположил, что это является отражением почитания тотемных животных [13]. Им же были рассмотрены свидетельства ирменских «огненных ритуалов» – кострища в насыпях курганов, практики трупобожжения в могиле и кремации на стороне [14]. Сосредоточившись на характеристике последних, исследователь не представил развернутой интерпретации следов использования огня в насыпях курганов. Но в целом пришел к выводу о существовании в ирменской среде (преимущественно женской) культа огня [14, с. 108 – 109].

Пожалуй, наиболее полная сводка и анализ изученных могильников ирменской культуры были сделаны Д. В. Степаненко [26]. Ею рассмотрены материалы (в том числе и неопубликованные) 323 курганов (905 погребений) из 36 курганных могильников и 103 погребения из 10 грунтовых могильников и составлена база данных, включающая 16 категорий анализа. В качестве отдельных категорий были выделены, в том числе, способы разметки сакрализованного пространства, ритуально-жертвенные комплексы под насыпями курганов (тризны) и ритуально-жертвенные комплексы в погребениях. Описывая ритуально-жертвенные комплексы под насыпями курганов, Д. В. Степаненко выделила 20 их модификаций по содержанию (составу). Отдавая должное тщательности источниковедческого анализа, позволим себе не согласиться с авторской интерпретацией всех без исключения комплексов под насыпями курганов как остатков поминальных тризн.

Тематика, связанная с изучением ритуальных комплексов интенсивно разрабатывается исследователями, занимающимися синхронными, а так же более ранними или поздними культурами Западной Сибири и сопредельных территорий. С. П. Грушиным реконструированы святилище, поминальнички и жертвенники елунинской культуры. На памятнике Телеутский Взвоз-1 изучено ритуальное сооружение, расположенное в центре могильника, которое условно обозначено исследователем как «святилище» [9, с. 82].

А. В. Епимаховым описаны ритуальные жертвенные комплексы в погребениях синташтинской культуры, а также огненные ритуалы. Сделано предположение о соответствии этих ритуалов индоиранским [10, с. 70].

А. В. Матвеев по материалам Хрипуновского и Чистолесбязского могильников андроновской культуры пришел к выводу о совершении разнообразных обрядов жертвоприношения, в ходе которых производилось заклание домашнего скота [15]. Д. Г. Зданович, изучив и систематизировав костные остатки животных на некрополях степного Зауралья эпохи средней бронзы (синташтинская и петровская культуры) отметил, что «жертвенные обряды имели массовый характер, сопровождали все стадии погребально-

поминальной обрядности и образовывали сложные ритуальные системы» [11].

Н. В. Росляковой по материалам могильников срубной культурно-исторической общности были выделены 4 категории комплексов с костями животных.

1. «Погребальные жертвенные комплексы» – остеологические комплексы, состоящие из остатков целых туш, голов, голов и дистальных частей конечностей животных, располагающиеся в насыпи курганов, в ровиках, на погребенной почве и около погребений.

2. «Остатки напуганной пищи» – остатки «мясных» частей туш со дна могильных ям.

3. «Погребальный инвентарь» – кости на дне могильных ям, положенные в виде предметов (иногда со следами искусственного воздействия).

4. «Отдельные кости или их скопления» – кости из разных частей туш и их скопления, находящиеся во всех архитектурных структурах кургана, кроме могильной ямы [25, с. 14 – 15].

Как видим, ритуальные комплексы, оставленные носителями разных культур, имеют много общего в своих внешних признаках. Но это не означает, что смысловое содержание ритуальных действий тоже было идентичным.

На ирменских курганных могильниках зафиксированы различные варианты ритуальных комплексов. Начнем с объектов, выявленных в заполнении ровов, ям и на уровне древней дневной поверхности. Как отмечалось многими исследователями, формирование сакрализованного погребального пространства зачастую начиналось с сооружения ограничительного рва различной конфигурации (круг, четырехугольник, полуокружность) или ям, опоясывающих пространство по периметру. Отсутствие таких ограничительных конструкций объясняется, в частности, и тем, что они могли иметь незначительную глубину [7, с. 76]. Мы предполагаем, что ритуальные комплексы, обнаруженные в этих конструкциях, были сформированы в результате ритуалов, имеющих охранительную функцию. Наиболее яркими комплексами этого типа являются: ров кургана № 5 могильника Телеутский Взвоз-1 (череп лошади, два развала сосудов) [24], ров кургана № 4 могильника Милованово-1 (скопления зубов и челюсть лошади, пять черепов баранов) [20], в могильнике Преображенка-3 – ров кургана № 23 (4 сосуда, кости лошади), ров кургана № 35 (2 сосуда и челюсть коровы), ров кургана № 41 (череп и челюсть коровы) [18], ров кургана № 1 могильника Еловский-II (зубы и челюсти коровы, лошади, лося, сосуд) [16]. В целом, нахождение ритуальных комплексов во рвах можно считать отличительной особенностью ирменской культуры (в отличие от андроновской, где такие комплексы размещены преимущественно в жертвенных ямах и в насыпях). Обращает на себя внимание тот факт, что в данной категории представлены исключительно головы животных, либо их заместители – челюсти и зубы, и отсутствуют кости конечностей.

Наиболее масштабные ритуальные комплексы (по составу находок) представлены в жертвенных ямах. В могильнике Журавлево-4: курган № 5, яма № 1 – челюсть и зубы КРС, череп медведя, остатки сосуда; курган № 10, яма № 1 – 9 черепов лошадей [7]. В могильнике Танай-7: курган № 14, яма № 14 – 16 чере-

пов лошадей с проломленными лобными костями, несколько длинных костей ног; курган № 23, яма № 2 – на дне фрагменты нижних челюстей и зубов коровы, 4 длинные кости конечностей [5]. В могильнике Заречное-1: курган № 25, яма № 2 – череп лошади с нижней челюстью (пробит), голень и берцовая кость лошади, позвонки, ребра, зубы; яма № 3 – череп медведя (пробит), в пасти медведя три бронзовых бусины-пронизки, череп, кости ног и лопатки лошади, череп и кости коровы, кости черепа МРС, череп и кости бобра, барсука, зайца и птицы [19]. В могильнике Сапогово-1: курган № 16, яма № 3 – зубы КРС, три черепа зайцев-беляков и почти полные их скелеты [12]. Данная категория комплексов включает не только черепа животных, но в ряде случаев и дистальные кости конечностей, что дает возможность предположить презентацию жертвенного животного в виде «шкур». Зафиксированы следы забоя животных в виде пробитых отверстий в лобной части. Весьма широк видовой состав животных, включающий не только домашних, но и диких. Данные жертвенники сложно соотносить с конкретными погребениями. Скорее всего, эти жертвы предназначались либо всем погребенным под насыпью, либо так же, как и комплексы во рвах, связаны с организацией и подготовкой сакрализованного пространства.

На уровне дневной поверхности преобладают комплексы, включающие в свой состав сосуды, кости животных, немногочисленные предметы, прокалы. Мы склонны считать, что сосуды предназначались для жертвенной пищи или напитков, огонь мог использоваться как в ходе очистительных ритуалов, так и для принесения в жертву (сжигания) пищи или предметов.

Пожалуй, наиболее распространенной категорией находок, на которые следует обратить внимание, являются кости животных, обнаруженные в насыпях курганов. Эти комплексы разнотипны, и представляют собой как скопления (выкладки) определенных костей, полные погребения животных (единичные случаи), так и значительное количество отдельных разрозненных костей. Для их интерпретации чрезвычайно важна полноценная обработка остеологических коллекций – не только видовые определения, но также половозрастные и размерные, фиксация следов разделки туш, разделение костных остатков на «мясные» и «не мясные», т. к. от этого зависит смысловая интерпретация этих остатков [25]. Собственно, эта интерпретация предполагает два возможных варианта: жертвоприношение или поминальная трапеза. Примеров жертвенников в насыпи (иногда они привязаны к конкретным погребениям) довольно много (Титово-1, Журавлево-4, Танай-7, Сапогово-1, Заречное-1, Катково-2, Камень-1, Преображенка-3, Еловский II и др.). Зачастую в состав жертвенников в насыпи помимо костных остатков животных входят фрагменты керамики или целые сосуды, отдельные предметы, прокалы.

Если говорить о предметных жертвоприношениях, то перечень вещей, обнаруженных в насыпях курганов (помимо керамики), невелик. Ряд предметов представлен единичными экземплярами: костяное пряслице (Телеутский Взвоз, курган № 16), обломки каменных жерновов (Журавлево-4, курган № 2), же-

лезная гривна (Сапогово-1, курган № 19), точильный камень (Танай-7, курган № 9), костяной наконечник (Сапогово-1, курган № 17), каменное грузило (Еловский II, курган № 18). Чаще встречаются бронзовые ножи (10 экз.), причем 5 из них – это сломанные лезвия, бронзовые бляхи (6 экз.), кольца (4 экз.), браслеты (2 экз.), бляшки-пуговицы (4 экз.), серьги и серьги-подвески (6 экз.), альчики (36 экз. в одном скоплении кургане № 18 могильника Сапогово-1). О ритуальном использовании этих предметов (во всяком случае большинства из них) свидетельствуют факты намеренной порчи (ломки) и помещения их в огонь (некоторые вещи находились в провалах).

Помимо различных сопроводительных ритуалов обращает на себя внимание тот факт, что значительное количество погребений ирменской культуры является нарушенными, что многими исследователями рассматривается как свидетельство вторичного захо-

ронения. Представляется, что данная категория погребений должна быть рассмотрена более внимательно в плане фиксации и выявления нарушенных частей скелета, отсутствующих костей и повторяющихся черт проникновений и нарушений. Учитывая известные факты ритуальных действий ирменцев с черепами, нельзя исключать, что существовала практика постингумационного нарушения погребений с различными целями [8, с. 26].

Изучение «сопроводительных» ритуальных комплексов на курганных могильниках ирменской культуры позволит перейти от характеристики погребальной практики и погребального обряда к рассмотрению более сложной системы – погребального культа. На наш взгляд, это будет определенным шагом вперед в формировании наших знаний об одной из самобытных и ярких археологических культур эпохи поздней бронзы Западной Сибири.

Литература

1. Бобров В. В. Особенности погребального обряда ирменской культуры в Кузнецкой котловине // Древние погребения Обь-Иртышья: Межведомственный сборник научных трудов. Омск, 1991. С. 60 – 72.
2. Бобров В. В. О демографической ситуации в эпоху поздней бронзы на юге Западной Сибири (ирменская культура) // Пятые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск, 2000. С. 8 – 11.
3. Бобров В. В., Горяев В. С. Гипотеза об инкорпорантах в ирменском обществе Кузнецкой котловины // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул: Изд-во АГУ, 1997. С. 67 – 70.
4. Бобров В. В., Горяев В. С. Лошадь в погребальном обряде ирменской культуры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. Т. IV. С. 182 – 186.
5. Бобров В. В., Мыльникова Л. Н., Горяев В. С. Новые исследования на могильнике Танай-7 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997. Т. III. С. 144 – 149.
6. Бобров В. В., Мыльникова Л. Н., Мыльников В. П. К вопросу об ирменской культуре Кузнецкой котловины // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы: сб. науч. трудов. Барнаул, 2004. С. 4 – 34.
7. Бобров В. В., Чикишева Т. А., Михайлов Ю. И. Могильник эпохи поздней бронзы Журавлево-4: монография. Новосибирск: Наука, 1993. 157 с.
8. Бондаренко А. В. Практика постингумационного нарушения могил в культурах ранней и развитой бронзы Западной Сибири: археологические факты и этнографические параллели // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 3(26). С. 25 – 33.
9. Грушин С. П. Ритуальные комплексы елунической культуры на памятнике Телеутский Взвоз-1 // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь (к 70-летию Т. М. Потемкиной): сборник статей. Курган, 2007. С. 76 – 84.
10. Епимахов А. В. Южное Зауралье в эпоху средней бронзы: монография. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2002. 170 с.
11. Зданович Д. Г. Жертвоприношения животных в погребальном обряде населения степного Зауралья эпохи средней бронзы: дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2005. 213 с.
12. Илюшин А. М., Ковалевский С. А., Сулейменов М. Г. Аварийные раскопки курганов близ с. Сапогово: монография. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1996. 204 с.
13. Ковалевский С. А. Ритуально-жертвенные комплексы с черепами животных в эпоху поздней бронзы у населения ирменской культуры // Шестые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: материалы всероссийской научной конференции. Омск, 2004. С. 166 – 169.
14. Ковалевский С. А. О роли огня в погребально-поминальной обрядности населения ирменской культурно-исторической общности юга Западной Сибири // Известия Алтайского государственного университета. (Серия: История. Политология). 2010. № 4/2. С. 105 – 110.
15. Матвеев А. В. Первые андроновцы в лесах Зауралья: монография. Новосибирск, 1998. 417 с.
16. Матющенко В. И. Еловский археологический комплекс: монография // Еловский археологический комплекс. Ч. 3. Еловский II могильник. Комплексы Ирмени и раннего железного века. Омск: Изд-во ОмГУ, 2006. 120 с.
17. Молодин В. И. Бараба в эпоху бронзы: монография. Новосибирск: Наука, 1985. 200 с.
18. Молодин В. И., Чикишева Т. А. Курганный могильник Преображенка-3 – памятник культур эпохи бронзы Барабинской лесостепи // Палеоантропология и археология Западной и Южной Сибири. Новосибирск, 1988. С. 125 – 206.

19. Мыльникова Л. Н., Кобелева Л. С., Дураков И. А., Мжельская Т. В., Савин А. Н., Сяткин В. П. Исследования курганного могильника Заречное-1 в 2007 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2007. Т. XIII. С. 345 – 348.
20. Новикова О. И. Могильник ирменской культуры Милованово-1 // Археология вчера, сегодня, завтра: Межвузовский сборник научных трудов. Новосибирск, 1995. С. 41 – 52.
21. Ольховский В. С. Погребально-поминальная обрядность в системе взаимосвязанных понятий // Советская археология. М., 1986. № 1. С. 65 – 76.
22. Ольховский В. С. Погребальная обрядность // Российская археология. М., 1993. № 1. С. 78 – 93.
23. Ольховский В. С. Погребальная обрядность и социологические реконструкции // Российская археология. М., 1995. № 2. С. 85 – 98.
24. Папин Д. В., Грушин С. П. Ирменский комплекс на памятнике Телеутский Взвоз-1 // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы: сборник научных трудов. Барнаул, 2004. С. 93 – 103.
25. Рослякова Н. В. Погребальные комплексы с костями животных из могильников срубной культурно-исторической общности Самарского Поволжья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2014. 28 с.
26. Степаненко Д. В. Погребальный обряд ирменской и позднеирменской культур: опыт многомерного статистического анализа: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2012. 25 с.

Информация об авторах:

Новикова Ольга Ивановна – кандидат исторических наук, ученый секретарь Института археологии и этнографии СО РАН, доцент кафедры археологии и этнографии НГУ, novikovolga@yandex.ru.

Olga I. Novikova – Candidate of History, Scientific Secretary at the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Assistant Professor at the Department of Archaeology and Ethnography, Novosibirsk State University.

Дудко Александр Андреевич – старший лаборант Института археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск), a-dudko9@mail.ru.

Alexander A. Dudko – Senior Assistant at the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

Статья поступила в редколлегию 08.04.2015 г.